

НЕВЕСТА ШАМАНА

Лидия Тарасова-Туллук родилась в городе Якутске. Кандидат медицинских наук, врач-микробиолог, доцент кафедры гистологии и микробиологии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Член Союза детских и юношеских писателей, Союза литераторов России, автор этнических сказок и рассказов. Лауреат премии Главы Республики Саха (Якутия) имени Н.Е. Мординова – Амма Аччыгыһа в области детской литературы, премии имени Ю.С. Рытхэу, финалист (шорт-лист) премии имени Корнея Чуковского (2022), участник мастерской АСПИР по ДВФО (2024), форума молодых писателей России имени С.А. Филатова «Липки» (2024), стипендиат Министерства культуры РФ (2024), резидент Дома творчества в Переделкине (2025). Живёт в Якутске.

Глава 1

Чужачка

– Говорят, между гор на озере, где рыбачить нельзя, – чужачка, – брат с охоты вернулся, а головой будто там остался.

– Мало ли кобылиц приблудных? – шаман от обточки ножа даже не оторвался. Тёмная гладь острия радовала глаз и сердце. Нет у верного духам иных страстей – ни к чему. Озеро своих не пускает, чужих подавно.

– Старики ворчат. Сходить бы, потолковать, – брат мужские сапоги той весной надел, большеваты, всё вперёд ума бегут.

– Сходи, – обратил, наконец, взор на брата шаман: сходил, а глаза прячет.

– Чего там не видел? Бывал на женской половине юрты не раз. Все одним потчуют, – и, как белки по веткам, поскакали в глазах огоньки.

— Молодая кровь плотью живёт, — рассмеялся шаман и, обращаясь куда-то вверх, добавил: — Чужачка сама уйдёт. Не место ей здесь.

Тут уж небо расхохоталось. Чем выше в своих мыслях человек забирается, тем уязвимее его пятки.

Громыхнуло и пролилось долгожданной прохладой. Станным предчувствием в душе осело. Будто чем жил столько лет, однажды так же дождём смоем.

Глава 2

Встреча

Утро после ливня душе в радость. Ещё не просохшая трава приятно холодит ступни. И бубен поёт звонко. Кто просил у богов милости в засуху, танцует теперь под широким небом.

Далеко несут его крылья по просторам прекрасным. Над ветвистыми говорливыми речками, полями, заходящимися от ветра зелёной волной, и выше — к белым шапкам древних великанов, от величия которых дух перехватывает. Это ль не счастье?

И, как в ответ, хребты горные замелькали, в дугу, точно соболиная бровь, сошлись. Смотрит на шамана прямо, глаз не отводя, женщина. Не сестра. Не мать. Чужачка.

Упал на землю, будто с коня спешился. На мгновение в крепко натянутой коже бубна снова её отражение.

Наваждение. Наваждение. Наваждение.

Верно, духи запретного озера прогневались. Недоглядели люди. Камни упреждающие пропустили. Сгинет чужачка, ещё крови духам захочется уж из нашей чаши испить.

Короткой тропой по высокой траве побежал, вот уж зеркальная гладь показалась. Подкрался, а мог идти, не таясь.

Огляделся — нет женщины. Только старуха. Безобразная. В струпьях да нарывах. В озеро запретное вошла — не сгнула. Вода перед ней представшую обняла, к себе прижала. Скорбь её, в слезах засохшую, приняла, злобу со спины, в алых кровоподтёках застывшую, сняла, обиды, годами зудевшие, вскрыла. Отмывала до истины. Исцеляла.

Не старуха уже, женщина. Вздох облегчения на губах лишь. Не зря далеко шла.

Вдруг заметила. Наготу руками прикрыла, а глаз не отвела... Брови соболиные вздёрнула.

Как с коня сбросила. Растворился в траве шаман и быстрее мыслей назад, к дому.

— Видел чужачку? — с порога брат пристал. — Прогнал?

— Сама уйдёт, — бросил шаман в сторону, глаза спрятал.

«А и вправду уйдёт?» — кольнуло.

«Не уйдёт», — теплом разлилось.

Тряхнул головой, трижды сплунул. Наваждение.

Наваждение.

Глава 3

Айхуна

Становящийся шаманом принимает свой долг. Выше привязанности. Посредник людей и духов, неба и земли. Заступник рода. Покровитель. Воин. Не муж. Не отец.

И не человек?

Далеко ушёл в мыслях шаман. Нашёл себя у запретного озера. Трава вечерние разговоры вела. Отец-солнце землю в макушку целовал.

Едва различимый дымок по воде стелился.

Безумная! Костёр у священного озера даже шаману духи не позволяют!

А ей дозволили. Может, и сама дух. Отражение...

Увидела его. Вздрогнула. Обычная женщина, незнакомца в ночи встретившая. Знак рукой подал — не трону. Раз уж духи не тронули.

Она в ответ зовёт. К костру? Едой пахнет. Сколько нечистых видел, чего испугался? Женщины? Отмахнулся.

Сел. Точно грозного неба сын. А чужачка уже руку тянет — угощение гостю.

Рыбой из запретного озера? Нахмурился.

И изготовила не по-нашему. В песке на горячих камнях пекла с травой.

И смотрит так, разве не видит, кого к костру пригласила?

Женщины из селенья и глаз на говорящего с духами не поднимут, не велено. А она улыбается.

— Ещё? — рыбий хвостик забрала, новый подкладывает.

— Ещё, — кивнул, вкус языком с губ собирая.

— Ай-хуу-наа, — рукой на сердце показывает.

— Ай-гху-на, — голос чужой, царапает имя, а захотелось прошептать. Будто своё имя можно забыть, а её помнить вечность.

— Ор-хан, — назвался людским и жест этот к сердцу повторил.

— Ор-хаа-н, — произнесла мягко. Будто всегда его знала.

Шёл потом по темноте. Долго. Никак не мог изнутри свет льющийся погасить.

Спрашивал у духов совета. Молчат. Только птица в кустах хихикала противно.

— Прогнал? — брат у юрты ждал, кругами всю землю истоптал.

— Завтра прогоню, — ответил шаман и сам себе не поверил.

Глава 4

Костёр

А в селенье уже перешёптывались. Чувствовал спиной. Как ворона клеветой измазала. И старейшина смотрит с укором. Показалось, может? Да и не было ничего, о чём говорить стоит.

Разве что ноги весь день заката ждали. И вместе с солнцем торопились к запретному озеру.

«Не пойду. Не пойду», — говорил себе каждый раз. А и опять у костра оказывался. Забывал, кем был. Смеялся. И она смеялась. Разными языками говорили, но понимали. Точно родные.

И весь мир как на ладони ложился. А если упадёт?

А дальше что?

Говорящий с духами — не человек. Не муж. И отцом не станет.

Слова заготовил заранее. Чтоб ушла, не возвращалась. Так решил. В злости рубанул ножом до крови. Больно.

Вечером только ноги оставились на месте — и сердце сразу. Видит: костёр затушен. Угольки тлеют. Угощение оставила. Ещё тёплое.

Вещи в сумку сложила. Волоксы собрала. Сама уходит.

Что скажешь, шаман?

А все заготовленные слова растерялись.

Молчал шаман. Закричал человек внутри. И вырвался.

За руку её схватил: не отпусти. Моя.

— Айхуна, — вслух, шёпотом.

Улыбнулась солнцем. Налобную повязку из перьев коршуна с лица сняла. Глаза у него зелёные. И нос с горбинкой. Ровно как во сне когда-то видела.

Ведь знала же, не отпустит. Да и он знал.

Но пока костёр не потухнет, не поверишь.

Разгорался огонь на запретном озере жарче прежнего. Горело в нём старое, рождалось новое. И всё было мало.

А свидетелем тому небо ночное, звёздное. Да тень, в траве мелькнувшая, чужого счастья не стерпевшая.

Глава 5

Брат

Выпавшим из гнезда птенцом нашёл Орхана прежний заступник рода. Разглядел в ещё не оперившемся, напуганном избранника духов. Воспитывал как преемника. «Сердце шамана открыто одним богам», — говорил старик в пустой юрте.

Ученик рос. Из гнезда вылетел коршуном. Быстрым. Зорким. Яростным. Когда время пришло, передал ему старик бубен и ушёл, велел не оплакивать.

Род нового заступника принял с уважением. Слову его внимали даже старейшины.

Десять зим назад и сам воронёнок от голодных чаек отбил, в селенье привёл. Братом назвал.

Тянулся воронёнок за коршуном, даже повадками. Хоть и был по-иному талантлив. Гневался шаман, что бубен снова не на месте. Как объяснить, что духи сами решают, с кем говорить?

Вот и опять брат под ногами крутился.

— У чужачки был? — в темноте выскочил. Поджидал.

— А тебе чего? — зло ответил, чтоб не спрашивал.

— Ничего, — брат отвернулся, с силой землю пнул, — болтают уж всякое.

Яростью сверкнули в ночи глаза коршуна. Комара на плече хлопнул. Кому какое дело?

— За своей юртой пускай лучше смотрят.

— Ты заступник, а она, — брат замолчал и, глядя в глаза, выплонул, как грязное: — Чужачка!

Сдержался, не ударил.

— Сам таким был. Или не помнишь уже?

— Меня род принял, её — никогда, — отрезал и обратно во тьму скользнул. — Поразвлёкся, хватит. На тракте видели воинов джунгарских. О том бы подумал, брат.

Ушёл, слова камнем повисли.

И по одному осыпались.

Глава 6

Камни

Перо коршуна в волосы заправила — вот идёт шамана невеста.

Сам дал. Не выпрашивала.

В селение вместе вошли. Он первый. Она след.

«Чужачка!» — кто-то выкрикнул.

А глядели-то как — выклёвывали. Глаза добрые искала. Ведь рассказывал. Не нашла.

В юрту главную не пустили — «Иди к женщинам».

А взгляды их колючие. Слова колкие.

Отвечала зубами. Когти тоже есть.

Всё равно не приняли. Убоятся пускай тогда в спину камнем кинуть.

Сам вернулся к ночи ближе. Тихая, как вода, сидела. Тихая.

Ивовым прутиком на песке чёрточки царапала.

Пальцами по песку провёл, отдёргнул — обожгло увиденным.

Вправо-влево колыбелька качается. По реке плывёт — мать отправила.

Подобрали люди добрые. Дали кров и еду нехитрую. Только дочкою никто не звал.

А у девочки глаза ласковые. И у девушки. И у женщины.

Раны мазью, а хворь настоями. Против засухи слов не знала лишь.

Налетели с камнями, палками.

Коль не справилась — виноватая! А и может, сама накликала?

Бей обманщицу! До беспамятства! Бей обманщицу! До бессилия!

Как собаку, в овраг выбросили.

По дорогам скиталась безумная. Ноги сами сюда вывели.

Не запретное, а священное. Забрало всё страшное, прошлое. Только имя ей и оставило...

— Айхуна, — за руку взял осторожно.

Прошлого не изменить.

Но ведь будущее можно?

Глава 7

Новая юрта

«Нет ей места», — старейшина рода красный камень в руку Орхана вложил.

Чужой выбор, холодный и шершавый, на ладони остался. Принять? Отказаться?

— Помни про долг, шаман, — коршун беду видел.

— Не отпущу. Моя! Моя... — человек твердил.

Словно бы дерево на две части молнией расколосось.

И как солнце туча закрыла, потемнел камень. Зашевелился. Восемь чёрных мохнатых лапок пробежали по мизинцу, ловко паутину плели.

Сжал кулак с силой, давил паука. Убил. И снова на ладони камень. По-прежнему красный.

Закрыл глаза шаман. Пусть не в селении, но для неё нашёл место — в сердце. И вскоре на берегу выросла новая юрта.

Внутри горел свет. В очаге огонь, в глиняном горшке мясо варилось — ждали его.

Ночью в окне на крыше юрты показывались звёзды. Два человека лежали прямо на полу, разглядывая небо, и солнце сменяло луну. А пальцы ещё долго потом тепло хранили.

На рассвете уходил. Оставаясь в тишине одна, подолгу слушала топот детских ножек. «Топ-топ», — раздавалось где-то совсем рядом.

«Топ-топ», — будто дразнили и убегали прочь из юрты.

Глава 8

Испытание

У невесты шамана в волосах перо коршуна. Смотрит прямо в глаза, не отводит

Не по-нашему толкует. «Не женись!» — отговаривали братья.

Одурманила. «Не женись!» — просили сёстры.

Беду накличет. «Не женись», — решили старейшины.

И шёл, будто в вечность. Не летел. Каждую травинку в поле считал, между сердцем и долгом в стожки складывал.

А она смолчала. Только губы едва дрогнули. Вечером вместе с солнцем проводила. Сама к камню священному, в горы, куда и смельчаки не сунутся, отправилась.

Смотрели духи рогатые на сердце открытое и глаза, лишь одним горящие.

Будь по-твоему, женщина.

Бежала-летела. Но не рад шаман известию. Всё знаменья на небе высматривает.

«Разве сын не добрый знак?» — не спросила.

Под красной луной ребёнок родился. Духи дали, духи взяли. В ровдугу младенца завернул, взглянуть даже не позволил. Не ищи, не зови, смирись.

Духи дали, духи взяли. Отняли! Медведицей взревела зло, выла в горе по-волчьи. Плата та слишком высока оказалась.

— Но где твоя воля, шаман? — усмехнулась криво.

Не узнал её. Отшатнулся.

Не узнала его. Прогнала.

Смотрели духи, головами рогатыми качали. По парам приходят люди в мир. Чтоб если один остушился, другой руку подал. А коли руки не дать, в пропасть оба падают.

Разве что потом — на рассвете, помогая друг другу, поднимутся. И рука об руку в вечность.

«Прошли испытание», — зашепчутся духи...

Глава 9

Дерево

Вздрогнула земля под сапогом тяжёлым.

Железные воины идут.

Полетела скорбь во все стороны: хан джунгарский рубит род шаманов — да на корню.

Брось, шаман, бубен. Отпусти коршуна. Корни сам обруби.

Глядишь, и пройдёт стороной туча. Минует лихая доля. Отведёт стрелы джунгарские.

Брось бубен. Отпусти коршуна. Корни дотла сожги.

Нету шамана — нет беды.

Нету шамана, лишь человек. А какой с человека спрос? Прожил свой век да травой пророс.

Брось, отпусти, сожги! Брось, отпусти, сожги! Брось, отпусти, сожги!

Нету шамана — нет беды...

Встал как вкопанный. В юрте огонь потух. Ни уголька, ни искорки. Даже дыма нет.

Бубен под камень. Оставил.

«Пиинийю-ийю-ийю», — коршун лететь не хотел. Возвращался. Всё кружил напрасно. Тянули корявые руки корни. За ноги цеплялись.

Не взглянул. Огонь выпустил. Загорелось голодное, затрещало косточками.

Вскрикнула душа и разорвалась.

Ни шаман, ни человек — никто.

Дерево с корней начинается...

Глава 10

Огонь

Ветер принёс запах гари. Небо покрылось копотью. Посыпались перья-пепел. Задохнулась от горечи, не поверила.

Что ты сделал?

А за спиной уже стук железных сапог. Велено взять живой.

Убегала. По отвесной скале, ловко. А стук становился громче. Злее.

Вдруг скала кончилась. Зажмурилась: «Не хочу». И вниз прыгнула.

Из воды сетями выловили, словно рыбу. В деревянном ящике к хану везли, чуть живую.

Кругом коршун летал. Беспокоился. Да помочь не мог.

Как и там, в селенье. Люди всматривались в небо, повторяли имя заступника.

Глаза коршуна беду завидели.

На четыре когтистые лапы огонь вставал, с рёвом на людей бросился.

Обнажили мечи братья, замкнули кольцо. Защищали свои дома храбро. До последнего.

И тонкими веточками тел укрывали женщины детей. Плакали.

Дух заступника метался бес- сильно. Кричал. Огонь не слушал, забирая одного за другим — весь его род.

Глава 11

Изгнанник

Чёрный дым не жалеет, не берёт пленных. Лишь пепел да угли, прожигающие до волдырей ладони того, кто не успел, не стоял плечом к плечу с уходящими в сумрак. Обречённый навечно слышать крики, мольбы, чувствовать до белизны сжимающий костяшки бессильный гнев.

Называл их имена, собирал белые, обглоданные огнём кости, выкладывал в круг. Серые тени оживали. «Где ты был? — спрашивали бесконечно. — Где ты был?»

Молчал. Перед глазами горящее дерево стояло.

И когда на месте прежнего очага выросла костяная юрта, душа шагнула в сырую темноту вечного изгнания — «Отныне с вами».

Человек открыл глаза. Ярость с ненавистью в одном котле замешал. Мыслями кожу врага на обод растянул. Чёрных духов в помощники звал.

Бубен гнева ходуном заходил. Засмеялись зубастые, запрыгали. Крови тёплой хлебнуть досыта.

Шёл по выжженной. Не шаман. Не воин. Человек с оружием. А по левую руку стервятники — ожидали своё, обещанное.

И разил огнём, не щадил, не миловал. Человек что сухое дерево дотла стгорал за мгновение.

Руку поднял хан, и четыре воина ящик вынесли, весь в цепях. К ногам бросили. Полюбуйся-ка!

Бубен выронил. Ни к чему теперь. На колени пал сломленный. Не живой уже. И не мёртв пока.

В тетиву легла стрела острая, оперённая с крыла ворона. Брат прищурился. Брат прицелился. Выстрелил.

Полетела стрела, ядом смочена. Как за братом ходил приклеенный. И не коршун, но тоже с крыльями. А летали как, помнишь, брат? На одной высоте — выше белых гор.

Да пришла девица на озеро. Духом злым сердце ворона схвачено.

Говорил же, брат! Говорил тебе! Не послушался... Ночью бегал к ней, как привязанный.

«Там алмыс* живёт», — весть в селенье нёс. Не его, так старейшину выслушает. Ну а коршуну что до слов пустых? Юрту выстроил, ишь как радовался!

И погибель твою из-за гор принесло. За шаманову душу щедрый хан сулил золото, серебро и колчан добрых стрел. Ни

---

*Алмыс — алтайский злой дух-оборотень (демоница).

алтына не просил, лишь девицу ту. Пусть в цепях и оковах, зато будет моей.

Жаль, старейшина оказался глуп. Рассказать решил? Получил поделом!

Вот и ты, брат, лети, коли крылья есть. А свои я давно на стрелы извёл...

В спину ровно вошла вороная стрела, насквозь сердце игла прошила.

Опустил руку хан. Сел на трон золотой.

«А нечестным нечестное, — молвил. — Девку в землю, предателя в озеро».

Вдох последний ловил. Своё имя забыть, а её только помнить вечность.

Вот юрта светла. И очаг горит. Дочь смеётся, глаза зелёные. И пинает живот, сын родится вот-вот.

Своё имя забыть, её помнить век.

Чтоб однажды, среди тёмных дорог отыскав, как тогда у костра, прошептать имя её: «Айхуна».

Послесловие

Говорят, смерть не конец пути. Говорят, души, связанные друг с другом, притягиваются, обходя время и пространство. Говорят, время не линейно, а значит, можно вернуться назад и начать всё заново.